

КАЖДЫЙ ВЫБИРАЕТ ПО СЕБЕ – ЖЕНЩИНУ, РЕЛИГИЮ, ДОРОГУ...

Конечно, пионерский лагерь «Звездочка» был и до меня, был и после меня. Воспоминая о нем, можно что-то несколько приукрасить, на чем-то сделать акцент, но нельзя передергивать базовые факты, ключевые события и, безусловно, нельзя умолчать о наиболее ярких личностях, оказавших существенное влияние на жизнь лагеря, на его дух, на ту ауру, которая помогала детишкам, приехавшим сюда на лето, построить свою собственную систему координат восприятия жизни, определения своего места в ней и внутренних законов, по которым многие из нас прожили всю жизнь. Ни школа, ни пионерско-комсомольская жизнь не оказывали такого влияния на формирование личности молодежи, как улица и двор в период школьного учебного года и пионерский лагерь летом.

- Нет, молодой человек, - сказал строгий преподаватель театрального института, убитый сединами и многочисленными регалиями заслуженного и народного формата за свое актерское мастерство, - К сожалению, театр – это не для Вас! Ступайте-ка, батенька, на завод!

Это был приговор! Это был конец самых радужных планов и смелых начинаний! Совершенно неправильный, нелогичный и нечестный!

Каждый выбирает по себе... И в этот раз, возможно выбор был неверный!

В московской школе номер 1158, окруженной фруктовым садом с развесистыми яблонями, что фасадом вы-

ходила на проходную Института Тепловых Процессов, чернявого сухого мальчишку с горящими глазами знали как любимчика преподавателя литературы и русского языка. Не сильно блистая по прочим дисциплинам, этот парень преобладал, когда речь заходила о поэзии. Он мог самозабвенно зачитываться до рассвета, по многу раз повторяя в себе запоминающиеся рифмованные фразы, видя за ними не просто стишок, который рассказывают стоя на табурете в белых гольфах, шортиках и рубашке с пестрым галстучком. Он видел в них другую речь, почти песню, которая текла по его внутренним жилам и, резонируя в голове, отдавалась в сердце.

Частенько он просто переписывал понравившиеся стихи в тетрадку в клетку за 44 копейки с клеенчатым переплетом. Потом стали появляться и собственные мысли, тоже зарифмованные по размеру стихов Сергея Есенина и Марины Цветаевой.

В школе было поголовное увлечение театром, и старшеклассники ставили спектакли по собственным сценариям. В труппе было немало талантливых актеров. Некоторые впоследствии стали профессиональными актерами. Некоторые не стали. Одним из них был Александр Панченко, который мог один сыграть без слов на сцене целый спектакль, как пользовавшийся сумасшедшей популярностью в 60-х годах во Франции Марсель Марсо – мим с белым лицом, клоун Бип, сделавший своего создателя всемирно известным. Вот и молодое дарование с горящими глазами, хоть и не блиставшее в спектаклях, но читавшее стихи на сцене так, что присутствующие переставали дышать, тянулось на сцену. После школы вопрос с выбором профессии перед ним не стоял. Только на сцену! Только в театр! И вот...

НИИ ТП, был ключевым предприятием района. Значительная часть людей, проживающих между городом Химки и станцией метро Войковская, работали здесь,

производя сверхсекретные ракеты для обороны страны. Научно-исследовательский институт тепловых процессов - фамилия Сергея была практически созвучна с этим названием, так что раздумывать он не стал.

Проживая с мамой на Лихачевке, Сергею что до школы, что до места работы, куда он устроился, было только дорогу перейти.

К тому же появилась возможность стать вожатым в пионерском лагере, куда он ездил пионером все свое детство.

В общем, жизнь как жизнь – было школа-лагерь, стало работа-лагерь. Нет, был еще незабвенный Московский авиационный институт, куда он поступил, но учеба как-то не задалась, и диплом он получил, потратив на учебу почти два срока.

- Полковник, минуточку! Подождите внизу! – прозвучало из открытого окна вожатской третьего корпуса над головой крепенького пионера, отпустившего вольную фразу в разговоре с товарищем, - Будьте любезны, получите «под штангу»!

Уже через мгновение с высокого крыльца деревянного корпуса спустилась сухая жилистая фигура вожатого в синих тренировочных трусах и сандалетах на босу ногу. Отработанным движением сандалет соскользнул с ноги, которая практически без размаха хлестко припечаталась к ягодицам пионера, обозначив смачным шлепком, что экзекуция произведена.

- Ой, блин! – охнул пионер, потирая ушибленное место.

- Хотите еще, Полковник? – спросил вожатый.

- Да нет, это я оговорился! Вырвалось нечаянно! – торопливо оправдываясь, ретировался пионер.

В отношениях с пионерами у Сергея особых проблем не было – сам был таким, росли в одних и тех же дворах,

учились в тех же школах, ездили в тот же самый лагерь. К тому же, в пионерах теперь ходили младшие братья и сестра его школьных товарищей и родственников. Однако, ко всем нужен подход!

- Нет, пацаны, а что мы нанялись, что ли, тут у столовой территорию мести? У всех завтрак прошел, бумажки собрал и гоняй себе в пинг-понг! Айда, отсюда! – и веселая ватага, побросав веники из березовых веток, разбежалась в разные стороны.

Проверяя территорию, Сергей увидел, что вокруг столовой не подметено, веники брошены, народ разбежался. Он взял веник и стал подметать. Один за всех. А что делать, это же его пионеры и территория его отряда.

- А где Типа, пацаны? – спросил у скачущих вокруг теннисного стола пионеров командир отряда.

- А он за нас у столовки убирается! – как-то весело отозвался один из играющих, пробегая за столом, норовя отбить улетающий шарик, - Мы бросили уборку, а он пошел проверять. Вот сам теперь и убирается!

- Тогда я к нему пошел! – сказал командир и вышел с веранды.

Между стендами с яркими заголовками: «Распорядок дня», «Меню» и прочими составляющими информационного панно пионерского лагеря – монотонно помахивая веником, маячила фигура вожатого, выгребавшего мусор. Командир подошел, взял веник и встал рядом. Они молча продолжали процесс очищения, пока не прибежало еще несколько человек, как всегда все те же: Макаров, Зорилов, Исаев, Панченко...

- Ладно, пора закругляться! – сказал вожатый, убирая веник в металлический зеленый шкаф.

И так было всегда, - ни истерик, ни ругани – просто брал, и начинал все делать сам. Ничего не надо было объяснять – его пионеры вставали рядом. Пионерский огород

вскопать, в поход собраться, в волейбол сразиться – делай как я! И ни каких слов. Почти никаких, кроме поэзии.

Ночь. Палата мальчиков. Страшные истории про кровавый след, про подземелье ведьм, про вурдалаков с упырями, навязшие в зубах. А тут!

- Бузина целый сад залила!

Бузина зелена, зелена,

Зеленее, чем плесень на чане!

Зелена, значит, лето в начале!

Синева — до скончания дней!

Бузина моих глаз зеленей!

Боже мой! Какие упыри, какие вурдалаки?

- Сереж, это кто? Есенин? – спросил из дальнего угла проснувшийся голос.

- Нет, это Цветаева! Есенина мы к вечеру поэзии будем учить, если захотите! – ответил вожатый. А потом я познакомлю вас с творчеством Федерико Гарсия Лорки и, если захотите, Николая Рубцова и Давида Самойлова.

Основной принцип: Как аукнется, так и откликнется! – Сергей усвоил еще в детстве. Ему верили мальчишки, а он верил им.

Это он придумал «пятое питание» и таскал после отбоя растущим недорослям в тазаках остатки с ужина – хлеб, котлеты, макароны. А когда вошел во вкус, построил теплицы и таскал на кухню огурцы, помидоры и зелень ведрами.

Это он до хрипоты болел за своих пацанов на волейбольной площадке, наворачивая круги словно хищник, загнанный в клетку, и словно фантом или призрак постоянно шипел за спиной: «Не спать! Легли на землю – отобрали подачу!» - стараясь подбодрить, настроить на победу.

Это он ставил для пионеров в тихий час на убитом

проигрывателе «Аккорд» виниловую пластинку с произведениями Равеля.

Это он шел к начальству и просил невозможное – поход для старших отрядов на четыре дня, разрешения на продление времени дискотеки до часу ночи, олимпиаду семи лагерей...

Это он заключал пари с пионерами и выполнял обязательства при проигрыше, таскал бревна для пионерского костра и играл в «слона».

Это при нем вожатые не знали других тем после отбоя, кроме как за «пионЭрскую тЭматику». Другой темы в лагере не существовало вообще! Только пионеры! Только их жизнь, а точнее, вся жизнь в лагере повернутая для пионеров!

Это он сам горел и сумел собрать вокруг себя таких же людей, способных с полной самоотдачей посвятить себя работе с детьми: Сергей Федосеев, Андрей Архипов, Нина Шашкова, Наталья Желнова... Да сколько их, ночи напролет споривших до одури за задернутыми шторами клуба!

Даже удивительно, как гармонично в доминирующей пионерской теме могли существовать жизнь хоздвора, жизнь персонала, кружководов, не конфликтуя, но дополняя и вливаясь в нее.

Он сумел настроить все в лагере так, что это звучало единым организмом, единым инструментом, наполняя пространство между корабельными соснами за бассейном «Бучилло» и костровой поляной музыкой, которую было невозможно исполнять или слушать – в ней надо было жить!

И какую часть этой жизни ни возьми, в какое время не передвинь – установленные в «Звездочке» законы и традиции обнаруживались и проявляли себя во всей красе, громко и без робости заявляя: Это «Звездочка», и ловить вам, господа, тут нечего!

- Жека! Бери гитару и пойдем! – запыхавшись от быстрой ходьбы, сказал Мамонт, прислонившись к входному косяку двери моей московской квартиры. Вообще-то это было не то чтобы неожиданно, это было невозможно! Уже как бы и не лето вообще!

Андрей ни когда у меня дома не бывал, адреса моего не знал. Тем более он не мог знать, что я только что, буквально пять минут назад, вернулся из института, где учился, и собираюсь убежать из дома по делам. И вот, на тебе – «мамочка, жутчайший случай»! – как сказали бы в «Звездочке».

- Андрюша, что случилось? Поясни! – отбиваясь от товарища, тащившего меня за руку, и поправляя чехол с гитарой, сказал я.

Хотелось сориентироваться в ситуации и понять, куда летим!

Проходя по тропинке за детским садом, над крутым берегом речки Лихоборки, мы перебрались по мостику над водопадами на другую сторону, там, где прежде были бескрайние болота, протянувшиеся от затона Северного речного вокзала до Головинских прудов и дальше до платформы Моссельмаш.

Теперь, там где прошло мое детство на заимках в камышах, где гоняли мотоциклы с открытыми колясками, построили новые многоэтажные дома, некоторые из которых были кооперативными, то есть, квартиры в них продавались за деньги. Вот в один из таких домов и тащил меня Андрюша.

- Жека, - нашептывал он мне на ухо, немного запыхавшись, немного волнуясь, - Типа женится! Со стороны жены будут друзья, с кем она училась в МАИ, ну и Типа просил, чтобы я тебя нашел.

Так вот в чем дело! «Звездочка» форева!

Мы вошли в подъезд дома, целый подъезд которого почти год не заселялся, поскольку просел, построенный

на самом гнилом месте болота, где ловили карасей сетями, и было самое глубокое место. Место осушили, грунт подсыпали, трещины на стенах подлатали. И вот, в однокомнатной квартире своих друзей, купленной им родителями, решили сыграть свою свадьбу наш старший вожатый Типа и наша же вожатая «чебурашек» Вера, выпускница этого престижного инженерного института.

Нет, скажем прямо, ребята из МАИ всегда были правильными – трудяги, невыпендренщики, с выдумкой и повернутые на шутках. Но и мы, из «Звездочки», тоже кое-чего стоили.

Короче, свадьба превратилась в братание двух стихий, но сначала!

- Дорогая Верочка! Мы, твои друзья, глубоко сожалеем о безвременной утрате, постигшей наш коллектив. Сколько заваленных сессий, сколько походов, сколько спетых песен мы были вместе и вот, мы вынуждены отдать тебя в чужие руки. Расставаясь, мы хотели бы излить всю грусть и печаль этого момента в нашей песне.

И, далее, подвижный молодой человек рванул струны на гитаре так, что колки закрутились в разные стороны.

- Мне бы ветер, мне бы качку -

Ла-ла-ла-ла!

Синеглазую рыбачку -

Ла-ла-ла-ла!

Получилось хорошо!

Песенка Берковского и Сухарева так залихватски прозвучала в исполнении ребят и девчонок, что было понятно – ребята не один котелок прожгли за пением авторских песен. Отложив гитару, парень посмотрел на нас сверху вниз, как бы говоря: «Ну, что, мягкие игрушки, видали, как надо! Что имеете сказать в ответ?»

Ну, нам-то два раза повторять не надо! Вот только певунов нас двое – я и Мамонт! Но и это уже сила! Вы-

ступать на поле авторской песни было бы неправильно, и мы с Мамонтом, взяв за базу репертуар пионерского лагеря, заголосили: «Мой дедушка разбойник, разбойник, разбойник!»

- Дима, уймись! Это же «Звездочка»! Их победить нельзя, можно только подружиться! – хохотала невеста, укоряя раскрасневшегося маиста-гитариста. Довольный Типа ухмылялся в усы, раскидывая в стороны руки-веточки, поясняя, что «Звездочка» - это не пустышка, а бренд!

Короче, не скажу за свадьбу, а вот песен мы в тот вечер напелись изрядно! Кто-то из участников того соревнования стал выступать под брендом «Барды России», а кто-то «Государственные лотереи», но, как написал известный бард Юрий Левитанский: «Каждый выбирает по себе – женщину, религию, дорогу...»

Среди старших вожатых Типа не был похож ни на кого.

Не было в нем брутальности Юры Булашкина, которого районное руководство, отвечавшее за идейно-воспитательную работу, считало продолжателем традиций А.Макаренко.

Не было упертости и методичности Саши Юрзина, педанта и аккуратиста.

Типа был другой, с косматыми черными патлами, горящим взглядом лермонтовского демона, размашистыми движениями и сандалетах на босу ногу. Немножко фрондер, немножко анархист, немножко романтик, но всегда твердо верящий в то, что делает, заводящий себя самого и всех, кто был рядом, подчиняя одной цели, одной идее. Он бросался вперед, и огонь возникал сам по себе. Он прыгал со скалы, и вслед прыгали, идущие следом.

Жизнь меняется и меняет нас. Каждый выбирает по себе – женщину, религию, дорогу...